

Мэри Браун

Дом Тишины

16+

Мэри Браун
Дом Тишины

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мэри Браун

Дом Тишины / Мэри Браун — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06839-1

Молодая писательница Мэри Браун вместе с матерью отправляется выбирать квартиру для аренды. Вскоре они оказываются в старинном особняке. Неожиданно Мэри теряет сознание, а когда просыпается, обнаруживает, что она прикована к кровати, а её мать исчезла. Человек, называющий себя доктором Смитом, рассказывает Мэри, что она никакая не писательница, а обычная пациентка частной клиники Дом Тишины, страдающая от шизофрении. Мэри не верит ему и пытается сбежать из особняка, в котором происходят загадочные убийства и исчезновения пациентов, но вскоре сталкивается с ещё большими тайнами и секретами дома.

ISBN 978-5-532-06839-1

© Мэри Браун, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Мне приснился жуткий сон, из-за которого я проснулась и резко села на кровати. Я была брошенной и одинокой. Мои руки и ноги сковывали тугие кожаные ремни. Над кроватью, к которой я была прикована, мигала одинокая лампочка, и вокруг стояла тишина. Всеми клеточками своего тела я чувствовала, как окружающий мир всё больше забывает и покидает меня. Этот кошмар мучил меня уже неделю. Обычно моё пробуждение выглядело совсем не так.

Каждый раз, когда я просыпаюсь, на меня накатывает грусть и даже раздражение от того, что день уже начался. Ночью мой разум не спит. Постель, темнота, полночь. С головой укрываясь мягким пушистым одеялом, я всем телом и разумом погружаюсь в мир альтернативной реальности. Мой мозг отчаянно работает, представляя себе несуществующую жизнь, действия и драмы, заканчивающиеся счастливым концом. Это можно назвать одним из моих хобби, не считая тех романов, которые я пишу. Идеальная воображаемая жизнь, которой позавидует любой такой же мечтатель в другом конце этого мира.

Под утро засыпая, физическая оболочка, в которой я нахожусь, наконец, отдыхает. Но когда глазам вновь нужно открыться, раздражаясь от надоедливых солнечных лучей, вся магия рушится, и я нахожу себя там, где и всегда, – в одинокой унылой постели двадцатипятилетней девушки, ищущей своего смысла одинокой писательницы.

Сегодня мои веки опять распахнулись, и глаза увидели всё тот же серый потолок, уже много лет считающий себя белым. Вдох. Вспоминаю, что собиралась съехать с этой надоевшей квартиры, как только подыщу подходящую замену. Сегодня с мамой мы идём смотреть очередные выплывшие из газетных заголовков варианты. Она всегда знает, как нужно выбирать идеальные условия, где посмотреть проводку, как спросить о скидке за аренду и почему-то считает своим долгом разузнать у соседей их мнение, стоит сюда заселяться или нет. Меня же интересует одно – пространство. Когда его много, то легче дышать. А когда мне легче дышать, я ощущаю себя свободной и с лёгкостью могу писать свои детективные истории. Всё, что мне нужно, – это пространство.

Не вставая с кровати, вспоминаю, сколько месяцев уже снимаю эту скромную, в неподходящих местах скрипящую квартиру. Кажется, около восьми. С тех пор, как моё творчество начало, наконец, приносить доход, я задумалась о месте, более подходящем для себя и своих мыслей. Вдох.

Лежу еще несколько часов, пытаюсь воскресить из ушедшей навсегда ночи последнюю сцену той идеальной жизни. Это бессмысленно, но мне это нравится. Через пять минут часы обещают наступление полудня. Приходится вставать, чтобы не опоздать на встречу. Квартиры, которые мы намерены посмотреть сегодня, являются неплохими вариантами, судя по цене и близкому расположению к центру города. Вдох.

За окном шумит продолжающийся с ночи дождь, который в надежде обмануть доверчивых людишек создаёт впечатление наступившего вечера. Этот туманный европейский городок иногда раздражает своей погодной и временной неопределённостью. Погода здесь сама выбирает себе настроение на день, и ты волей-неволей подчиняешься её решению.

Интересно, я не записываю свои ночные полёты фантазии в полноценную книгу, потому что не верю в то, что их можно воплотить в жизнь, или из-за желания навсегда похоронить их в зазеркалье своей памяти? Выдох. Не могу найти ответа на свой же вопрос.

На завтрак вчерашний обед – овощной салат, заправленный соевым соусом. Печальное зрелище. Вспоминаю слова из вчерашней книги: «Наша планета – всего-навсего точка, маленький шар, который вертится в пространстве так же, как множество других шаров; мы затеряны

в этом беспредельном пространстве. И человек, ростом всего-то в пять футов, для Вселенной мало что значит»¹.

Вдруг подумалось, что смерть человека ничего не значит ровным счётом, как и его рождение. Стало одиноко. С этой мыслью я подцепила вилкой со дна тарелки последний кусочек сельдерея, и дождь перестал барабанить в окна. По спине пробежали мурашки, и возникло желание обернуться. Появившееся из-за серых облаков солнце стало нагонять на моё тело еще больше страха, и будто кто-то стоящий позади меня, прочитав мои мысли о человеческой смерти, вдруг остановил льющуюся с небес воду и заставил солнечный луч подкрасться к моей тарелке.

Уже чувствуя его горячее дыхание, настойчиво блуждающее по моему затылку, я решила обернуться, как вдруг, развеяв в одночасье все намёки на присутствие рядом со мной невидимого существа, зазвонил телефон.

– Да, мама, уже собираюсь. Встретимся на месте через полчаса.

Как странно. Словно это был новый уровень самодовольства моего одиночества – заставить меня ощущать себя еще более затерянной в этом мире через отсутствие несуществующего за моей спиной тела. Какая ирония. Делаю пометки в своём блокноте и мысленно рукоплещу вселенной за очередную удавшуюся шутку. Пора собираться. Допиваю остывший кофе и надеваю черное пальто. По плану сегодня две квартиры, находящиеся через дорогу друг от друга. Видимо, день обещает быть удобным.

¹ Вольтер «Трактат о терпимости»

Глава 2

Современное десятиэтажное здание, нахально выделяющееся среди своих собратьев своими только что вставленными блестящими окнами и с шатровой кровлей крыши, деловито заявляет о свободных сдаваемых квартирах. Вижу по довольному лицу мамы, что если я буду здесь жить, она станет моим частым гостем.

В фойе нас уже ждал лет сорока пяти домовладелец или человек, так себя называющий. На его шее толстым слоем блестела золотая цепь, а высокий рост и гордый взгляд говорили о том, что лишний вес в области живота не предусматривался природой, когда та его создавала. По его непринуждённой манере говорить и вольяжно себя вести можно было с лёгкостью судить о его хитровой натуре. Рядом за стойкой администратора сидел улыбающийся по самые уши худосочный старик, одетый в синюю униформу.

– Добрый день, дамы! Вы должно быть по поводу апартаментов? Добро пожаловать в «Фантастикó спíti»! – сказал высокий человек с явным испанским акцентом, – Меня зовут Хавьер. Я являюсь владельцем этого чудного места.

Его тонкая борода и приглаженные назад волосы могли бы создать впечатление достаточно пронизательного мужчины, которые нравились моей маме. Но бегающие из стороны в сторону улыбающиеся глаза портили всё впечатление о нём.

– А это наш администратор, Максимус.

– Здравствуйте! – ответила мама, протягивая свою руку в ответ на выставленную руку Хавьера, – Очень светлое здание! На каком этаже находится квартира?

– На седьмом. Пройдёмте, я вам всё подробно расскажу и покажу. Чувствуйте себя как дома.

Мы пошли за ним следом и вскоре очутились в просторном лифте, полностью покрытом зеркалами. Человек с еле заметными намёками седины в волосах нажал на кнопку семь.

– Здесь везде присутствует современный дизайн, но в сочетании с предметами старины, которые я люблю иногда находить на блошиных рынках, – тут он загадочно мне подмигнул, – получается что-то новое и довольно стильное. Вам должно понравиться. О, вот и седьмой. Пройдёмте.

Мы вышли из лифта и оказались посреди длинного коридора, усеянного серебристыми металлическими дверями, сверкающими так отчаянно, что моим глазам захотелось непрерывно моргать. На полу находилась тёмно-бордовая ковровая дорожка, а под потолком висели удлинённые цилиндрической формы люстры, которые, будто нарочно, придавали этому коридору ещё большую протяженность. Из-за такой обстановки создавалось ощущение, что мы находились на подводной лодке.

– А вот и ваши апартаменты. Номер семьдесят три. – Домовладелец подошёл к одной из дверей и открыл её, достав из кармана брुक огромную связку ключей, – Проходите.

Мы вошли в просторную, светлую квартиру. На белых стенах висели картины с изображёнными на них африканскими животными в ярких тонах. Мебель из беленого дуба создавала ещё большее ощущение лёгкости и простора, и среди всей этой белоснежности броскими, но аккуратными пятнами выделялись непохожие друг на друга предметы интерьера. В одном из углов гостиной стояла резная старинная вешалка для одежды с крючками, имитировавшими нос носорога. На журнальном столике красовалась коричневая лампа, обтянутая полупрозрачной змеиной кожей. В стеклянной вазе изящными изгибами стояли сухие древесные ветви. И все эти массивные предметы придавали комнате экзотичность и совершенно не портили её эстетику.

Комнат, не считая кухни, было всего две – гостиная и спальня. Но, учитывая их размеры и простор, можно было с уверенностью заявить, что моя прежняя квартира создавалась для

карликов. Пройдя из гостиной с уютным диваном через белую арку, я оказалась в спальне, посреди которой стояла просторная кованая кровать, а рядом с окном – письменный стол.

«Да, это вполне то, что нужно. Здесь моим мыслям должно понравиться».

Из кухни доносились хвалебные заверения домовладельца и мамины одобрителльные комментарии. Подойдя к окну, я взглянула на город. Я находилась выше уровня крыш соседствующих зданий, и мне это нравилось. Панорама открывалась прекрасная, и среди множества разношёрстных зданий можно было разглядеть ратушу. Тут мой взгляд упал на старинное кирпичное здание, находящееся через дорогу, и я вдруг вспомнила, что собиралась посмотреть ещё один дом. Должно быть это он...

– Ну как тебе здесь, нравится? Мне очень! Я уже придумала, как можно расставить азаллии и драцены на кухне, – мама появилась, словно из-под земли, – Добавим зелени, повесим светлые в тон стенам шторы, и вуаля! Это же мечта, а не квартира. Только я думаю, стол на кухне нужно будет переставить.

– Мне так нравятся ваши дизайнерские идеи! – Отозвался испанский домовладелец, не скрывая своего удовлетворения, – Да, стол вполне можно будет передвинуть поближе к окну.

– Мам, я тут вспомнила, что у нас в запасе был ещё один вариант. Думаю, это он. – Я показала пальцем на красное трёхэтажное здание через дорогу.

– О, я и забыла уже о той квартире. Ты уверена, что хочешь ещё что-то смотреть? По моему, мы нашли то, о чём ты так мечтала.

– Да, но давай посмотрим ещё тот особняк. Мне жутко интересно рассмотреть его изнутри.

– Ох, дорогуша, это что-то вроде гостевого дома. – Сказал испанец с видом лёгкого пренебрежения, – Но, по правде говоря, я давно не слышал, чтобы там что-то сдавали. Его наследники ведут за него непрекращающуюся войну уже много лет.

Он вздохнул с напускной грустью и театрально опустил глаза.

– Что ж, заверяю вас, что мой «Фантастикб спити» будет безумно рад такой постоялице, как вы. И я больше чем уверен, что осмотрев все свободные квартиры в этом районе, вы непременно порадуете своим окончательным решением именно нас.

Посоветовавшись с мамой и убедив её, что возьму эти апартаменты, я уговорила её посмотреть особняк, находящийся через дорогу, ибо что-то внутри меня испытывало непреодолимое желание там оказаться.

– Ну и как тебе домовладелец? Согласись, он весьма дружелюбен. – Мама заметно погрустнела, когда мы вышли из отеля.

– Он назвал меня дорогушей.

– Зато у него есть вкус, и эта квартира – самый лучший вариант из всех, что мы видели. – Мама улыбнулась, и я улыбнулась ей в ответ, согласившись с её заключением.

И вот, через мгновение мы уже стояли перед огромным старинным зданием из тёмно-красного кирпича. Оно выглядело вполне обычно для своего аристократического статуса, не считая ярко красных деревянных окон, придававших дому ещё больше странного мистицизма. На втором этаже этого роскошного особняка располагалась веранда, на которой можно было разглядеть чёрную плетёную мебель. Не зная года постройки здания, мы с мамой предположили, что ему было лет двести.

Войдя внутрь, я почувствовала лёгкую тоску по прошлому. До чего же печально наблюдать за превращением в прах чьих-то стараний, усилий и чьей-то жизни. Ведь, как правило, время не властно над предметами старины.

Увидев завораживающее убранство застланного во всех углах паутиной коридора, когда-то считавшегося верхом моды и изящества, я на миг представила себе хозяев этого самого особняка, которые с тщательным трепетом в своё время подбирали для своего уютного дома фарфоровые вазы и громоздкие портьеры. Думаю, они были бы глубоко раздосадованы, если

бы встали из могил и увидели, что их потомки заменили шерстяные ковры дешевой синтетикой, а канделябры – электрическими лампами.

Сделав несколько шагов вперёд, я вдруг ощутила странное чувство. Нет, не чувство, что я здесь уже была, и мне всё знакомо. Я почувствовала, как меня объяли страх и паника. Мне захотелось бежать, только я не понимала куда. Моё подсознание твердило, что я должна что-то предпринять, но я не понимала что. Мама шла впереди меня, и мои ноги, машинально следуя за ней, перемещали моё тело вперёд, а мысли тщетно толкали назад к двери.

«Так, стоп, хватит! Прекрати сейчас же!» – Мысленно я закричала сама на себя.

Со мной такое уже случалось, и в последнее время это стало повторяться всё чаще. Будто внутри меня поселился еще один человек, еще одна личность, неожиданно появляющаяся и протестующая по любому безобидному поводу. Она часто не соглашалась с моими решениями, делая из меня неуверенного в себе ребенка. Но что ей нужно от меня на этот раз?

«Убирайся подальше! Туда, откуда ты вечно появляешься! Хватит меня преследовать!».

Я изо всех сил пыталась вернуть себе самообладание. Постепенно дыхание стало нормализоваться, и мысли успокоились. Паника прошла. Интересно, почему я вдруг...

– Добрый день! Мы проходили мимо и случайно узнали, что здесь сдаются комнаты. Вы хозяйка этого дома? – Вдруг я услышала, как моя мама обращается к какому-то силуэту, стоящему в маленькой комнате, похожей на кухню или кладовую, к которой нас неожиданно быстро привёл длинный коридор.

– Ага. Хозяйка тут я. – Силуэт ответил неспешно, развязно, и совершенно не собиравшись поворачиваться к нам лицом. Через десять секунд он, наконец, повернулся, и я увидела взрослую женщину со стаканом воды в одной руке и с чем-то маленьким в другой. На ней были надеты повывавший жизнь старый синий халат, завязанный на прямой талии, и серые потрёпанные тапочки. Её короткие пепельные волосы лежали неухожено, а расслабленная улыбка настораживала и даже пугала.

«Что-то здесь не так» – подумала я, и мой взгляд упал на то, что она держала двумя пальцами около стакана с водой. Это была таблетка.

– Не хотите со мной за компанию? – Женщина произнесла это с озорной улыбкой, и чуть помедлив, одним глотком запила таблетку водой.

Мы с мамой переглянулись и снова уставились на женщину, стоявшую перед нами и по-прежнему нам улыбающуюся. Она явно была либо под чем-то, либо просто сумасшедшей. Я стала думать над тем, чтобы уже уходить отсюда, как вдруг, странная женщина отодвинула ящик кухонного стола и достала оттуда ключ. С той же загадочной улыбкой она шагнула ко мне и протянула старинный медный ключ с совсем новой биркой, на которой было написано: «117». Не переставая улыбаться, женщина сказала, как только я взяла ключ из её рук:

– Там в углу есть лестница. Вам нужно по ней подняться.

Я взглянула на маму, и она всем своим видом будто произнесла:

«Мдаа уж, что-то тут не то».

Мы стали подниматься по крутой винтовой лестнице, а женщина осталась стоять на своём месте, довольным взглядом провожая нас наверх. Мама молчала, и от этого мне становилось еще больше не по себе. Будто моя жизнь была нормальной до прихода в этот странный особняк, а сейчас все вокруг стали вести себя как сумасшедшие. Вдруг, я заметила, что сжимаю одной рукой еще более странный предмет – ключ с номером сто семнадцать.

Странно, почему сто семнадцать? Здесь же от силы комнат тридцать. Я нахожусь в эпицентре какой-то чертовщины, а моя паникующая личность куда-то запропастилась и не появлялась в нужный момент. Ах да, я ведь сама прогнала её. Ладно, посмотрю быстро эту чертову комнату и сразу же уйду отсюда. Почему мама так странно молчит?

Решив держаться настороженно и закончив внутренний монолог с самой собой, я вдруг заметила, что стою посреди уютной старинной гостиной и даже не знаю, на какой этаж мы

поднялись. Мама остановилась впереди меня и стала с интересом рассматривать интерьер просторной с большими до пола окнами гостиной, посреди которой находились камин, диван и пыльные кожаные кресла. Тёмно-бардовые стены и приглушенные коричневые лампы на удивление не нагнетали, наоборот, в гостиной оказалось неожиданно светло. Тут я заметила, что слева и справа располагались двери, ведущие куда-то ещё. Я шагнула вперёд, оглянулась и вдруг увидела, что посреди комнаты в кожаном кресле сидела пожилая седая дама и читала какую-то старую пожелтевшую газету.

– Добрый день! – Вдруг сказала мне седая женщина и аккуратно сложила старинную газету у себя на коленях. От её умного внимательного взгляда мне стало легче, но через пару секунд облегчение снова сменилось страхом. Женщина начала улыбаться. Причем её улыбка была такой же странной, как и улыбка той ненормальной, что дала мне старый ключ. Их пытливые взгляды одинаково подозрительно проникали мне в душу, вызывая в ней смущение и негодование. Будто они знали все мои секреты или что-то обо мне такое, чего не знала я сама.

Здравствуйте! – Бодро ответила я и почувствовала лёгкую дрожь в ногах. Из-за всех сил я жаждала убраться отсюда как можно дальше и пыталась поймать мамин взгляд, но она, будто не обращая внимания на все эти странности, продолжала молча рассматривать картины.

«Может быть, я нервничаю по пустякам, и в этом месте нет ничего страшного?».

Не понимая своих собственных эмоций, я подошла к одной из двойных зелёных узких дверей, похожих на ставни.

«Это вообще дверь или окно?».

– Вы новая постоялица? Добро пожаловать. Уверенна, вам здесь понравится. Многие из нас, когда-то приехавшие на недельку-две, так и не смогли отсюда съехать. Настолько здесь оказалось тихо и уютно, что это место стало нашим домом. – Пропела слащавым голосом, сидевшая в кресле женщина.

Я выдавила из себя слабую улыбку, но ничего не ответила.

«Стало домом? Как это?».

– У вас потерянный и довольно смущенный вид. – Заметила седая женщина, – Должно быть, вы познакомились с нашей домовладелицей.

– О, да. – Не сразу ответила я.

– Ах, это Марго. Она, конечно, со странностями, но безобидная и дружелюбная. Вы её ещё полюбите.

Я промолчала и не обернулась, не желая вновь увидеть её чеширскую улыбку.

Вдруг я заметила рядом с необычной дверью выгравированные цифры. Подойдя ближе и приглядевшись, я распознала число сто семнадцать.

«Ого, так это же мой номер!».

Взявшись двумя руками за маленькие ржавые ручки, я резко распахнула дверки. В лицо подул свежий последождевой воздух, и мои глаза часто заморгали.

Прямо передо мной на расстоянии вытянутой руки находилось старинное витражное стекло. В центре множества разноцветных стёклышек застыла картина с танцующими людьми в синих одеждах. На их силуэтах и чуть ниже та же синяя краска была странным образом нанесена большими каплями, будто потекла и в этом положении засохла.

Какое странное окно. За внутренними ставнями находилось небольшое углубление и витражное стекло, а с улицы этого окна даже и не видно.

«Должно быть, такие окна здесь расположены с другой стороны особняка и выходят во двор».

Наклонившись чуть вперёд, я захотела взглянуть на улицу сквозь радуго переливающихся и в некоторых местах покрытых ржавчиной, стёклышек. И вдруг, мои брови поползли вверх. Я поняла, что нахожусь на втором этаже особняка, но посмотрев вниз на улицу, я увидела группу людей, полностью одетых в чёрные балахоны. Их было не меньше пятидесяти, и

они стояли, собравшись небольшой группой прямо посреди двора под окном, которое я распахнула.

– Сегодня похороны. – Сказал знакомый, но резко изменившийся голос позади меня.

Я быстро оглянулась и увидела седую даму, которая тем временем неслышно встала с кресла и уже стояла рядом со мной. Это была та же женщина, что и пять минут назад, но в ней произошла какая-то глубокая и резкая перемена, и тут я поняла, какая. Она больше не улыбалась. Выражение её серьёзного и мрачного лица делало из неё совершенно другого человека.

Я почувствовала, как моё сердце стало сползать к пяткам, а земля медленно уходила из-под ног. Быстро моргая, я принялась осматривать внезапно потемневшую комнату и вдруг поняла, что моей матери в ней нет. Шкафы, кресла и камин стали приближаться ко мне, словно живые. Стены медленно надвигались, и посреди всего этого непонятного безумия рядом со мной стояла незнакомая женщина, во все глаза смотревшая мне в душу.

– Что здесь происходит?! – Произнесла я и сама не узнала свой дрожащий голос. Он исходил откуда-то извне.

– Сегодня похороны. – Сухо повторила женщина. Она не шевелилась и продолжала смотреть на меня в упор ледяным суровым взглядом.

Еле сдерживая уже выливающийся из краёв приступ панической атаки, я вновь выглянула в окно, и тут я не выдержала. Люди, стоявшие внизу, вдруг подняли на меня свои головы, и среди них впереди было одно уже знакомое мне лицо. Это был Хавьер, хозяин соседнего отеля. Он смотрел на меня бесчувственным холодным взглядом, как и окружавшие его незнакомцы.

Следующее моё чувство сложно описать обычными словами. По всему моему телу разлилось нечто, похожее на свинец. Веки стали настолько тяжелыми, что двигать ими было невозможно. Рука, замершая на ржавой ручке маленькой дверцы, не слушалась и не хотела её отпустить. Ноги, которым мой мозг посылал последние отчаянные приказы бежать, не шелохнулись. Даже личная внутренняя паникёрша куда-то исчезла. Я потеряла контроль над всем своим телом. Я потеряла всё своё сознание.

Глава 3

Мои глаза неспешно открылись под воздействием ярких красок переливающихся витражных стёклышек. Солнечные лучи пробивались через них к моему лицу, настойчиво пытались меня разбудить. Лёжа в своей кровати, я посмотрела на ясное безоблачное небо в окне и улыбнулась. Сегодня среда, а значит, миссис Риггс, наша кухарка, приготовит на завтрак блинчики с вареньем. Обычно на завтрак нам подавали омлет или гренки, но миссис Риггс имела замечательную привычку готовить среди недели свои фирменные панкейки, и эта приятная особенность благополучно вошла в традицию Дома тишины.

Встав с кровати, я умылась, причесалась и решила, вместо обыкновенного конского хвоста собрать все волосы в один аккуратный пучок на затылке. Сразу после этого я сделала небольшую зарядку, размяв, в основном, плечи и шею, надела своё единственное тёмно-синее прямое платье, заправила кровать, постучала в дверь, и когда дежурный медбрат открыл мне её, вышла из своей палаты.

Как правило, я просыпалась раньше всех остальных, поэтому, когда я вошла в общую комнату, там было еще пусто. Старые часы показывали всего четверть восьмого утра, и солнечная погода за окном продолжала радовать, что навело меня на мысль о совершении прогулки после завтрака. В нашем уютном, но пасмурном городке люди всегда с благодарностью принимали каждый случайный солнечный день.

В весёлом предвкушении я решила спуститься вниз и помочь накрыть столы, оборудовав их вилками, чашками и тарелками. Когда у меня было приподнятое настроение, мне всегда доставляло удовольствие помогать на кухне. К тому же, миссис Риггс показывала мне интересные способы сворачивания салфеток, которым она училась дома по выходным, и иногда пускала меня на кухню и первой давала попробовать какое-нибудь новое, только что приготовленное блюдо.

Шагая по длинному коридору, я встретила нашу новую медсестру Риту, которая как раз собиралась идти домой после ночной смены. За последние три месяца, что она здесь работала, мне ни разу не удавалось поболтать с ней более двух минут. Я тщетно пыталась подружиться с ней, так как она единственный здесь человек моего возраста, но Рита продолжала держать дистанцию. Пытаясь быть вежливой, я пожелала ей доброго утра, на что она лишь слегка улыбнулась и, удаляясь, быстрыми шагами завернула за угол.

«Ну что ж, видимо, не все люди хотят быть общительными. По крайней мере, я пыталась».

Войдя в столовую, я почувствовала соблазнительный аромат, исходивший из кухни. Да, блинчики миссис Риггс и впрямь – ниспосланный нам всем с небес подарок. Наслаждаясь восхитительным запахом ароматных творений, я вошла на кухню и одарила всех заражающей улыбкой.

– О, наша Мэри уже встала и готова нам помогать по хозяйству! – Воскликнул, обрадовавшись моему появлению, толстяк Билл, наш добродушный кухонный слуга.

– Доброе всем утро! – Ответила я и подошла к миссис Риггс, которая стояла у плиты и переворачивала жёлтой лопаткой румяный блинчик, – Восхитительный запах, миссис Риггс. Наверное, в этот раз вы добавили в тесто целый половник ванилина?

– Ох, детка, ну тоже скажешь! – Заулыбалась миссис Риггс, – Ты комплименты моим блинам пока не делай. Вот, когда попробуешь их и попросишь ещё добавки, тогда-то миссис Риггс и будет счастлива и горда своей стряпнёй!

После завтрака и приятной беседы с миссис Дуглас о предстоящем теннисном матче, трансляцию которого она ждёт не дожждётся уже две недели, я помогла прислуге убрать тарелки и приборы со стола и отправилась в сад, укутавшись в свой любимый лиловый плащ.

Погода стояла прекрасная, что казалось странным, ибо такое яркое солнце никто из местных жителей ещё не видел в ноябре. После сытного завтрака все пациенты Дома тишины не спеша прогуливались в саду под бдительными взорами сопровождавшего их медперсонала. Я вышла, вдохнув свежий ноябрьский воздух, и увидела миссис Дуглас и миссис Кинг, играющих в карты.

– А, Мэри! Присаживайся к нам. Может, поможешь миссис Кинг выбрать правильную карту? Она сегодня что-то не в форме и проигрывает мне уже в третий раз. – Миссис Дуглас радостно подозвала меня, махнув рукой.

Я подошла к двум пожилым дамам, села за небольшой деревянный стол и стала наблюдать за игрой.

– Как хорошо, Мэри, что ты ещё не успела выйти замуж, – миссис Кинг опять начала свою тираду, – У меня было так много мужчин, что уже и не вспомнить. Единственное, что я запомнила, так это то, что тратить на них своё время – значит тратить время зря.

– Ах, Лиззи, ну хватит уже. Ты жалуешься нам на своё несчастное прошлое каждый день. Прошу тебя, не вбивай такие мысли в эту ещё юную голову. Ведь, если у тебя всё сложилось так неудачно, это ещё не значит, что мужской пол плохой. – Ответила ей миссис Дуглас.

– В том-то и дело, что плохой! И не только плохой, но ещё и злой! – Старушка Кинг повернулась ко мне, и её выражение лица стало сердитым, – Не слушай её, Мэри, слушай меня! Мой третий жених, мистер Кэвин Лэнг, так был озабочен своим собственным благополучием, что даже не соизволил поставить меня в известность о том, что не собирается являться на нашу свадьбу! Он просто сбежал, как последний трус!

– Это ещё не доказывает озлобленность противоположного пола, Лиззи. – Миссис Дуглас уставилась на неё серьёзным пристальным взглядом, – Иногда, в том, как мужчина обращается с женщиной, виновата сама женщина.

– О, святые небеса! Спасите мои уши от этого балаболства! Слышали бы твою болтовню тысячи суфражисток, отдавших жизни за наше светлое будущее, плодами которого ты сейчас и пользуешься!

– Ты перегибаешь палку и не видишь границ! Твои размышления о никчёмности мужчин никак не связаны с правами женщин! Это разные вещи!

– Ты сводишь меня с ума, Элеонора!

– А ты невероятно глупа, Элизабет!

Я встала из-за стола и начала незаметно удаляться от обезумевших старушек. Их возбуждённым спорам я уже не удивлялась, потому что слышала их каждый день. Хотя, было странно признавать, что эти две милые подружки, вечно играющие в покер, в последнее время стали просто непримиримыми друг с другом.

В основном же, это утро не отличалось ничем необычным, кроме подозрительно яркого солнца, дарившего всем своё тепло в непримечательном ноябре.

Я задумалась и медленно зашагала по серо-жёлтой листве, решив погулять в этот раз в одиночестве. Вокруг царил обычная гармония будничного дня, в котором пациенты гуляли и обсуждали утренние новости, услышанные по радио в общей комнате.

Продолжая идти и откидывая сухую листву носком ботинка, я отделилась от остальных и подошла к забору. Слегка коснувшись пальцами кованых деталей, я зашагала вдоль забора, как вдруг, увидела знакомое лицо. По другую сторону от меня через дорогу, там, в свободном мире, на меня смотрела Рита – наша медсестра. Она стояла на тротуаре, держа в руках белый конверт и ключи от машины, и испуганным взглядом уставилась прямо мне в глаза. Не ожидая её увидеть в это время и в этом месте, я немного замешкалась, но, как только собралась крикнуть «Привет!», она уже ушла, повернув за угол быстрыми шагами.

Пару минут я стояла, не двигаясь и не понимая, что только что произошло. В последнее время Рита вела себя очень странно, но, кажется, это стала замечать только я. В её взгляде я

видела нерешительность и в то же время нетерпение, будто она хотела сказать мне что-то очень важное, но по каким-то причинам не могла этого сделать.

Я продолжила идти, едва касаясь пальцами холодного забора, и размышлять о необычных вещах, случившихся сегодня утром. Выйдя на узкую, заросшую сорняком дорожку, я зашагала в сторону особняка, который, с каждым моим шагом, словно возрастая, казался всё больше. Вокруг меня гуляли спокойные пациенты, и медсёстры помогали некоторым больным усаживаться на залитые солнцем скамейки. Казалось, вокруг царила атмосфера гармонии, умиротворения и счастья.

«Постойте. Как я здесь оказалась? Это ведь всё нереально. Я не помню, как я сюда пришла».

– Всё хорошо, Мэри? Пойдём, я посажу тебя рядом с мистером Купером. Составь-ка ему компанию. – Ко мне подошла одна из медсестёр, и, улыбаясь, взяла меня за локоть.

– Почему все вокруг улыбаются? – Неожиданно для самой себя спросила я.

– Сегодня мир подарил нам на редкость удивительный и тёплый солнечный день. Посмотри, как все рады! – Ответила счастливая медсестра.

– Но ведь, на дворе ноябрь?

– Да, и от этого нам становится ещё удивительнее и прекраснее! Это же чудо какое-то, верно? – Она вдруг стала хихикать, словно пятилетняя девочка.

Я освободила локоть из её руки и медленно зашагала в сторону дома, а медсестра осталась стоять на месте и, продолжая весело хихикать, смотрела мне вслед.

«Что-то здесь не то. Всё вокруг меня выглядит слишком хорошим и милым. Как будто люди, что меня окружают, и сама погода находятся в состоянии какого-то неземного счастья. Нет, так не бывает. Это всё не реально. Это какой-то сон» – мои мысли начали путаться, ноги стали подкашиваться, и по телу пробежала леденящая дрожь.

«О, боже! Моя мать! Где моя мать?! Мы пришли вместе с ней в это место, чтобы посмотреть квартиру! Что здесь происходит? Что на мне надето?».

– Ты больше не убежишь от нас, Мэри. – Позади меня раздался спокойный и уверенный мужской голос. Я резко повернулась и увидела высокого и знакомого мужчину в длинном белом халате, а за его спиной – двух медбратьев в белой униформе. Собираясь, было, открыть рот, чтобы хоть что-то произнести, я ощутила на своём лице влажную тряпку, и мои лёгкие заволоч резкий и неприятный запах. Я упала в пропасть и больше не могла говорить.

Глава 4

Как только я открыла глаза, в моей памяти сразу же всплыли призраки последних событий. Я вспомнила всё, в том числе и то, что меня насильно держали в сумасшедшем доме среди душевнобольных людей.

– Ну что ж, вот мы и вернулись туда, с чего начали, Мэри. Опять. Скажи, тебе это ещё не надоело? – Передо мной стоял высокий человек средних лет, которого я моментально узнала. Этого мужчину звали Хавьер. Он представился нам с мамой, как владелец здания напротив, когда мы пришли туда, чтобы снять мне квартиру. Только теперь этот человек говорил без испанского акцента, и на нём был надет белый медицинский халат.

– Ааааааааааа! – Закричала я во всё горло, пытаюсь встать с кровати, к которой была прикована толстыми коричневыми ремнями.

– Ну, хватит, хватит уже! Прекрати! Ты снова всю лечебницу распугаешь! – Хавьер гневно стукнул кулаком по прикроватному столику и погрозил мне пальцем, – Не знаю, как ты умудрилась вновь обмануть медсестёр, дававших тебе лекарство, но будь уверена, теперь я лично об этом позабочусь! Отныне ты будешь находиться под строгим присмотром каждую минуту своей жизни.

Из моих глаз лились слёзы, в горле стоял ком, а ладони, сильно сжатые в кулаки, не могли разомкнуться. Я почувствовала, как моё сердце билось внутри меня, словно животное, осознавшее неминуемую смерть перед забоем – яростно и дико.

– Отпустите меня, прошу вас, умаляю! Что вам от меня нужно?! Ну, зачем, зачем вы так со мной? Зачем вы это делаете?..

Я неистово рыдала и пыталась высвободить руки из тугих ремней, крича при этом бессвязные предложения, перепутанные и непонятные. Хавьер тяжело вздохнул и сказал:

– Я готов поговорить с тобой снова, Мэри, раз уж в этот раз тебе отшибло память полностью. Только, прошу тебя, успокойся. Иначе мне придётся успокоить тебя снотворным.

– Нееееет! Ааааааа! – За что вы так со мной?! Что вам нужно? Отпустите меня! – Я принялась кричать и брыкаться снова, ещё сильнее, ещё яростнее, ещё громче. Во мне вдруг проснулась такая сила, что на секунду я подумала, будто смогу перевернуть всё здание вверх дном.

– Свяжите её потуже, она начинает расслаблять ремни! – Хавьер крикнул двум медбратьям, которые стояли за дверью. За несколько мгновений они влетели в палату, пристегнули ремни на моих руках и ногах ещё туже, так, что они не давали мне шанса даже повернуться, и так же стремительно вышли.

Я ослабла и стала тяжело дышать. Попытки вырваться забрали у меня все силы. Мой мучитель взял стул, придвинул ближе к кровати и уселся напротив меня, держа в руках толстую белую папку с бумагами.

– Теперь, когда ты успокоилась, предлагаю поговорить вновь. Мы начнём с самого начала, Мэри Браун.

Я уставилась на него, широко раскрыв глаза и удивлённо подняв брови.

– Откуда вы знаете мою фамилию?

– Потому что я твой лечащий врач, доктор Джеральд Смит. Ты находишься в лечебнице, которую мы зовём Домом тишины. Здесь мы помогаем заблудшим душам, таким как ты, обрести гармонию и покой.

– Значит, вы каким-то образом обманули меня и маму, чтобы запрятать меня в психушку?

Доктор Смит тяжело вздохнул:

– Ты находишься здесь уже восемнадцать лет, Мэри.

Последовала пауза. С минуту мы оба молчали, уставившись друг на друга.

– Кажется, я начинаю понимать, что здесь происходит. Вы – псих! Самый настоящий! Что за чушь вы мне впариваете? Не знаю, откуда вам известно моё имя, и куда вы дели мою мать, но я вам клянусь, что сухим из воды вы не выйдете!

– Я твой лечащий врач, Мэри, с тех самых пор, как тебя привезли к нам в семилетнем возрасте. Ты пережила ужасную трагедию и не смогла с ней справиться.

– Это ложь, ложь, ложь! Всё это ложь! Это нереально, нет, прекратите! – Я закрыла глаза, не в силах больше справляться с этим безумием, и замотала головой.

– У тебя шизофрения, Мэри. Уже много лет мы боремся с твоими агрессивными вспышками, галлюцинациями и параноидным бредом, который завёл тебя в тупик. Ты уже не в силах отличить реальность от вымысла и воображаешь то, чего нет! Люди, с которыми ты говоришь, та жизнь, где ты воображаешь себя писательницей, – всего этого не существует!

– Этого не может быть, вы лжёте! Я помню, как вчера мы с мамой отправились выбирать мне квартиру. Вы – владелец здания напротив, вас зовут Хавьер. Я собиралась снять квартиру у вас, но потом мы пошли посмотреть этот особняк. Ответьте мне, что здесь происходит? Где моя мать?

– Твоя мать умерла в автокатастрофе, много лет назад. Ты так и не смогла это пережить, и тогда в твоём поведении стали замечать странности. У тебя была дезорганизованность речи, ты слышала голоса и часто говорила сама с собой. Я думаю, ты была больна с самого начала, и твоя мать скрывала это, чтобы тебя не запрятали в больницу.

– Прекратите!

– У тебя была наследственная расположенность к психозу, которая в сочетании со стрессовой ситуацией дала такой результат. Когда случилась та трагедия, твои симптомы стали более выраженными. В конце концов, тебя привезли к нам, и здесь тебе поставили диагноз. Всё это время мы держали под контролем разрушающую тебя болезнь, с помощью препаратов и сеансов психотерапии. Ты стала чувствовать себя гораздо лучше, и вспышки гнева появлялись всё реже. Честно говоря, я думал, что мы их уже давно подавили, пока сегодня в саду я не увидел, как ты вновь разговаривала сама с собой и с подозрением смотрела на окружающих. Я долго думал, что могло спровоцировать твой приступ, пока не вспомнил: однажды, несколько месяцев назад ты уже проворачивала такое. Ты перестала принимать лекарства, пряча их под матрас в своей комнате. Когда мы их обнаружили, то применили к тебе принудительную терапию. Это был последний раз, с тех пор твоё лечение шло гладко. До сегодняшнего дня. Ответь мне, как ты снова провернула всё это?

Я не верила своим ушам, чувствуя, как пульс беспощадно бьёт меня где-то внутри головы.

– Я не понимаю, о чём вы говорите... Зачем вы лжёте мне? Скажите, куда вы дели мою мать? – Я плакала, чувствуя себя бессильной и жалкой. Мои мысли путались, и я перестала понимать, что реально, а что нет.

– Ты всё ещё сопротивляешься? Твоя мать давно умерла, Мэри. Вот твоя медицинская карта. Смотри!

Он раскрыл белую папку, с которой сидел всё это время, подошёл ко мне ближе и начал показывать содержимое, не спеша, переворачивая страницы. Там были мои чёрно-белые фотографии по грудь, начиная с семилетнего возраста, и заканчивая фотографиями меня в настоящем. Рядом с каждой фотографией было длинное описание на весь лист результатов психотерапии о моём эмоциональном состоянии, галлюцинациях, фантастическом бреде и о тревожных снах. Внизу от руки были написаны заключения доктора и расписание приёма препаратов, а далее шли результаты всевозможных анализов. Эта зловещая папка будто была книгой моей жизни, на каждой странице которой стояла жирная надпись «Пациент № 117».

Смит дал мне рассмотреть каждую страницу, вплоть до конца, затем закрыл папку и вернулся на прежнее место. Я молчала и водила глазами из стороны в сторону, не в силах переварить только что полученную информацию.

– Ну что, убедилась? Мы работаем с твоей психикой уже много лет, Мэри. Да, я знаю, порой всё, что ты видишь или слышишь в своей голове, может казаться вполне реальным. Фантазии могут обманывать тебя, заставляя считать себя тем, кем ты на самом деле не являешься. Но ты запуталась, Мэри. Всё это происходит лишь в твоей голове.

Я подняла мокрые от слёз глаза на доктора, не в силах произнести ни единого слова. Он медленно поднялся со стула и направился к выходу. Взявшись за ручку двери, он произнёс:

– Сейчас ты мне не веришь, но вскоре поймёшь. Я не желаю тебе зла. И никто из здесь присутствующих. В этом месте мы лишь... – тут он замялся, будто пытаясь подобрать слова так, чтобы не сказать чего-то лишнего, – Мы лишь хотим, чтобы каждый, кто к нам обратился за помощью, смог быть счастливым и радоваться каждой минуте своей жизни.

Он вышел, закрыв за собой дверь, и в ту же минуту свет в моей палате погас. Я осталась лежать одна в полной темноте, прикованная к кровати, без единого шанса пошевелиться. За окном уже стояла глубокая ночь, и вокруг царил тишина. Особняк погрузился в сон. В эту ночь спали все, кроме меня. Ни на минуту я так и не смогла сомкнуть глаз, размышляя о том, как мне выбраться из этого ада.

«Он лжёт!» – Крутилось в моей голове, – «Он всё лжёт! Я должна найти свою мать и сбежать отсюда как можно быстрее».

Глава 5

Я резко открыла глаза, проснувшись от странного звука, похожего на чей-то шорох. За окном виднелось серое пасмурное небо.

«О нет, кажется, под утро я всё-таки уснула!».

Я попробовала сесть, но почему-то не смогла. Быстро окинув взглядом свои запястья, я увидела, что их по-прежнему сковывали тугие коричневые ремни.

«О боже, это был не сон. Весь этот ужас мне не приснился. Я действительно здесь».

Признав эту страшную правду, я оглянулась по сторонам, и увидела, что в моей палате находилась медсестра. На вид ей было около двадцати пяти лет. Она стояла возле письменного стола и, слегка улыбаясь, разводила какие-то лекарства. Через мгновение, услышав, что я проснулась, она резко повернулась ко мне, и я узнала в этой медсестре Риту.

– Ах, ты уже проснулась. Я думала, ты проваляешься здесь ещё очень долго. Скажи, доктор Смит вводил в твои вены снотворное?

– Нет, кажется... Нет, не вводил. Я уснула сама.

– А как ты думаешь, сколько ты проспала?

– Не знаю. Часа три?

– Ты была в отключке почти сутки, Мэри. Скорее всего, доктор Смит пришёл в твою палату поздно ночью и вколол тебе большую дозу хлордиазепоксида. Это сильный транквилизатор.

– Зачем ему это делать?

– Чтобы ты была послушной и не бесилась больше так, как вчера. – Она подошла к моей кровати и коснулась кожаных ремней.

– Думаю, их уже можно снять, а то у тебя теперь жуткие синяки на запястьях. И на ногах тоже. Боже, Мэри, зачем же ты так дёргалась?

– Потому что мне здесь не место, и я не сумасшедшая. А вот доктор Смит – да! Может, он и не доктор вовсе.

– А кто же он, по-твоему?

– Не знаю, видимо, псих. Он похитил меня и мою мать. Я должна выяснить, что с ней случилось.

– Я думала, твоя мать умерла.

– Это он так говорит, но всё это ложь. Я не помню ничего из того, что он пытался выдать за мою реальную жизнь.

Пока я это говорила, Рита освободила мои руки и ноги из цепляющих оков. Я приподнялась на локте, взяла её за руку и прошептала:

– Я не сумасшедшая, прошу, поверь мне. Я очутилась здесь либо по ошибке, либо по чьему-то желанию. Одно я знаю точно: доктор Смит что-то скрывает и держит меня здесь насильно. Я должна узнать, что случилось с моей матерью, и найти её. Прошу, помоги мне!

Рита молча слушала мой рассказ, потом повернулась и подошла к письменному столу, где припасала лекарства. Она взяла одну из таблеток и стакан с водой, приблизилась ко мне и поставила их на прикроватную тумбу рядом с кроватью. Потом она наклонилась прямо передо мной, пытаясь уложить меня в кровать и поправить одеяло. Вдруг она очень тихо сказала:

– Я знаю, что ты не сумасшедшая. Ты находишься в этой лечебнице уже семь месяцев. Тебя пичкали сильными лекарствами, чтобы ты обо всём забыла. Здесь все сидят на психотропных веществах. Но на днях я подменила твои препараты на похожие по форме таблетки от головной и зубной боли, поэтому ты очнулась. Прошу, не выдавай меня и пей их. Я тоже здесь для того, чтобы найти свою мать.

Услышав то, что она сказала, я собиралась спросить у неё, не видела ли она здесь мою мать, но Рита быстро оборвала меня:

– Ничего не говори и не спрашивай. Они постоянно следят за тобой.

С этими словами она выпрямилась, подошла к столу, навела небольшой порядок, аккуратно расставив баночки с таблетками, забрала поднос и вышла, сказав, слегка улыбнувшись:

– Отдыхайте, мисс Браун.

Когда металлическая дверь раскрылась, выпуская Риту из комнаты, я увидела, что сна-ружи всё это время стоял медбрат и следил за нами через небольшое окошко в двери.

Я приподнялась, делая вид, что не замечаю его пристального взгляда, взяла одной рукой таблетку, другой – стакан воды, и выпила лекарство одним большим глотком. Затем я легла в постель и укрылась одеялом. Медбрат постоял несколько минут у моей двери и ушёл.

Я начала обдумывать всё, что сказала мне Рита. Подумать только, у меня есть друг в этой психушке. И она знает, что я не сумасшедшая, более того, она мне помогает. Но зачем? И что могло случиться с её матерью, раз она ищет её здесь? У меня сейчас столько много вопросов и так мало ответов, что голова идёт кругом. В любом случае, мне надо успокоиться и действовать разумно. Раз меня держат здесь насильно, и сопротивляться бесполезно, надо притворяться тихой и спокойной. Буду делать так, как сказала мне Рита. Всё равно я не смогу вырваться отсюда быстро, мне нужно узнать, зачем я им, и что они сделали с моей матерью, а потом, планировать, как мне отсюда сбежать.

Почувствовав себя легче, я успокоилась и уснула.

Всю следующую неделю Рита ко мне больше не заходила. Я видела её, общающуюся с другими пациентами, когда мне, наконец, разрешили выйти в общую комнату. Сидя на диване с книгой «Убить пересмешника», я тщетно пыталась поймать её взгляд, но она будто не замечала меня. Пару раз у меня возникало дикое желание встать и подойти к ней, чтобы поговорить, но я боялась этого сделать, так как за мной всё время следил медбрат. Как и обещал доктор Смит, этот человек, стоя у стены недалеко, вёл за мной наблюдение каждую минуту и каждый день моей жизни.

Всю неделю со мной никто не разговаривал, и я чувствовала себя тоскливо и одиноко, будто все вокруг позабыли и бросили меня. Но вот однажды в двенадцать часов дня ко мне в палату вошли медбрат и Рита, которая сказала:

– Одевайся, Мэри, тебя зовёт доктор Смит. Ты должна прийти к нему в кабинет прямо сейчас.

Я накинула халат, надела тапочки, и медбрат отвёл меня на первый этаж здания в кабинет доктора Смита.

Это место разительно отличалось от моей палаты с серыми стенами и одним зарешёченным окном. В кабинете доктора было просторно и светло. Возле белых стен стояли длинные дубовые шкафчики со стеклянными дверцами, за которыми прятались крошечные флакончики с лекарствами. Рядом со шкафами находились дорогие кожаные кресла и диван, а посередине всей комнаты стоял большой стол, за которым сидел сам доктор. Напротив стола располагался стул, на который меня усадил молчаливый медбрат. Как только он вышел, доктор Смит оторвал свой взгляд от лежащих перед ним бумаг, снял очки и внимательно посмотрел на меня.

– Здравствуй, Мэри. Говорят, тебе стало намного лучше после той твоей выходки. Я решил поговорить с тобой. Как считаешь, тебе помогают лекарства?

– Заботливый доктор должен, прежде всего, поинтересоваться о самочувствии пациента. – Я не удержалась и съязвила, так как меня взбесил его спокойный и самоуверенный тон.

– Я вызвал тебя для того, чтобы как раз это и выяснить. Но, как вижу, ты по-прежнему настроена агрессивно?

– Я не сумасшедшая, и вы это знаете! Объясните, зачем вы меня здесь держите? Что вам от меня нужно?

– Ох, Мэри, Мэри. Ты окончательно запуталась. Как вижу, препараты помогли усмирить твой пыл, но с памятью у тебя по-прежнему проблемы. Предлагаю так: давай попробуем восстановить хоть какие-то моменты, может нам вместе удастся понять, что происходит в твоей голове?

– Что вы собираетесь со мной делать?

– Я считаю, что нам нужно возобновить наши сеансы терапии. Давай прямо сейчас и начнём? Расскажи мне, как, по-твоему, ты попала в Дом тишины?

– Я пришла сюда с мамой смотреть сдаваемые апартаменты.

– Вы пришли именно в этот особняк?

– Да.

– Но, как видишь, здесь нет никаких апартаментов. Этот особняк был построен в тысяча восемьсот девяносто четвёртом году. Его несколько раз перестраивали и переименовывали, но он всегда был учреждением для людей, страдающих от психических расстройств. Здесь нет квартир, есть только палаты для пациентов.

– Но в газете было объявление, что здесь сдаются квартиры! Поэтому мы с мамой сюда и пришли.

– Ты можешь показать мне эту газету?

– Нет, у меня её нет.

– То есть ты никак не можешь доказать свои слова?

Я замешкалась и промолчала. Мой мозг посетила мысль, что я и впрямь, ничем вещественным не могу доказать свою правоту. Я находилась здесь словно в плену, и у меня с собой даже не было паспорта, чтобы доказать свою личность.

– Хорошо, Мэри, давай попробуем по-другому. Что ты делала до того, как вы с мамой пошли выбирать квартиру? Вспомни тот день.

– Это было дождливое утро. Я проснулась, позавтракала, точнее сказать, пообедала, и пошла на встречу с мамой.

– Больше ты ничего в то утро не делала?

– Я заглянула в свой ежедневник, проверила, когда у меня истекает срок сдачи книги литературному агенту, и сделала пару заметок.

– То есть ты считаешь себя писательницей?

– Я не считаю, так оно и есть! Поищите в Интернете мои книги, раз не верите мне.

– Я наблюдаю за тобой уже восемнадцать лет, Мэри. Ты всегда любила рисовать с остальными пациентами и читать книги, но ты никогда не писала их.

– Вы пытаетесь свести меня с ума и доказать мне, что я – это какая-то другая личность.

Но я точно знаю, кто я! И не я одна. Рита тоже может подтвердить, что я не сумасшедшая.

– Рита, значит?

– Да, она!

– Вы с ней близки?

– Нет.

Я осеклась, осознав свою ошибку, и решила сменить тему:

– Зачем вы держите меня здесь? Объясните, что вам нужно от меня?

– Думаю, на сегодня достаточно, Мэри. Ступай в свою палату. Сегодня мы точно не добьёмся правды от твоего разума.

Он позвал медбрата, и тот взял меня под локоть и быстро из кабинета. Когда он повёл меня по длинному старинному коридору, я ощутила, как внутри меня начал закипать гнев. Я почувствовала невероятную злость на людей, которые держали меня против силы в психбольнице и считали сумасшедшей. Сама от себя того не ожидая, я схватила свободной рукой старинную лампу со стола, мимо которого мы проходили, и со всей силы разбила её о голову медбрата. Он упал, и в ту же минуту я принялась бежать к выходу. Миновав одну пожилую

медсестру, я приблизилась к входной двери, как вдруг перед ней оказался другой медбрат. Одним резким ударом он вырубил меня, и я лишилась чувств.

Очнувшись я уже в своей палате, вновь прикованная к кровати толстыми кожаными ремнями. Передо мной стояли доктор Смит и две медсестры. В руках доктор держал странный предмет, из которого тянулись длинные провода.

– Я не хотел применять к тебе крайние меры, ведь за столько лет мы практически стали семьёй, Мэри. Но я понял, что больше не могу себя обманывать – твоё состояние значительно ухудшилось в последнее время. Поэтому нам придётся успокоить твои нервы с помощью электрошока.

– Вы не имеете права! Я свободный человек! Я обращусь в полицию и сообщу, что вы похитили меня и мою мать! – Я громко закричала, изо всех сил пытаюсь выбраться из кожаных оков.

– Приступайте. – Доктор Смит обратился к медсёстрам, и те взялись за мои руки и ноги, крепко прижав их к кровати. Я брыкалась и сопротивлялась, пока доктор смазывал мои виски каким-то раствором. После этого он приложил к моей голове холодные электроды и включил аппарат, стоявший рядом с кроватью.

В это мгновение по моему телу пронёсся заряд тока, словно в меня ударила молния. Моё тело тряслось и содрогалось, а в памяти, как череда картинок, всплывали моменты из жизни – реальной и придуманной доктором Смитом. Всё путалось и перемешивалось. Я видела то маму, то Риту, то лежащего на полу медбрата, то себя, то вновь свои мрачные сны. В ту страшную минуту в мою голову будто засунули блендер и перемешали там все мои мысли и воспоминания в один большой салат. Каждую клеточку моего тела сотрясала бешеная дрожь. Пальцы на руках и ногах резко сжимались и были не в силах больше разомкнуться. Мои ступни начали тянуться кверху, отрываясь от кровати, а разум оставался где-то внизу. Всё вокруг стало плыть и казаться нереальным. Прозвучавший откуда-то издалека голос доктора Смита, доносился до меня отдалённым эхом обрывистых фраз. Я понимала, что это был конец всех моих переживаний и тревог. Меня поработили и сделали сумасшедшей пациенткой психиатрической лечебницы под номером сто семнадцать.

Глава 6

За окном выпал первый снег, и все постояльцы Дома тишины начали активную подготовку к Рождеству. Я сидела на диване в общей комнате и смотрела на камин, пока пациенты и медсёстры вешали гирлянды и огоньки на стены, шкафы и потолок. Все были рады, предчувствуя волшебные минуты радостного праздника.

Вскоре, в общей комнате установили огромную живую ель, срубленную нашим охранником Дейлом в ближайшем лесу, и все принялись вешать на неё украшения из коробки, которую принесли медсёстры. Со стороны эта картина могла показаться совершенно нормальным действием, которое происходило в каждом нормальном доме в это время. Но если приглядеться, то можно было заметить, как мистер Купер, семидесятилетний пациент с врождённой умственной отсталостью, разговаривал с каждым шаром, прежде чем повесить его на ель. А мадам Дюваль, вдова тридцати девяти лет, страдающая от истерических припадков, начинала танцевать у окна каждый раз, как слышала слово «Рождество». Праздничные украшения были фальшью, потому что они не могли замаскировать самого главного – я находилась в сумасшедшем доме среди психов.

С того момента, как меня подвергли электрошоковой терапии, я больше не видела Риту – она будто испарилась. Я не осмеливалась спросить у доктора Смита, куда она исчезла, так как чётко знала, что её исчезновение – его рук дело. Когда наши с ним взгляды встречались, я видела выражение презрения и самодовольства в его глазах. Он ликовал и усмехался надо мной, пока я могла лишь тихо его ненавидеть. К тому же, я винила себя за то, что невольно проболталась про Риту, и думала, что это могло стать причиной её внезапного исчезновения.

Теперь же я сидела в полном одиночестве среди происходившего вокруг меня безумия и страстно желала разбить вдребезги все украшения и поджечь ель. Мои мысли прервала миссис Дуглас, подсевшая ко мне на диван:

– Ох, ну и сказочное время нас ждёт. Я люблю Рождество с самого детства, и по сей день. Почему ты не наряжаешь ёлку вместе с нами, Мэри?

– Я помню вас. Когда я впервые сюда пришла со своей матерью, вы сидели вон в том кресле с газетой в руках и улыбались мне. Когда я увидела в окне доктора Смита в группе с другими людьми, вы подошли ко мне и сказали, что сегодня похороны. Я точно помню это! Что вы имели тогда в виду?

Миссис Дуглас переменялась в лице:

– Ах, милочка, если такое и было, то старушка Элеонора уже не помнит тех событий. Видишь ли, с тех пор, как всю мою семью зарезал маньяк, моя память начала страдать от пробелов. Доктор Смит говорит, что я непроизвольно забываю те моменты из жизни, которые по каким-либо причинам мне неприятны, оставляя в памяти только хорошие.

– Так почему вы не сотрёте из своей памяти это ужасное место? – Резко спросила я.

– Зачем же мне его стирать, дорогая? Ведь, я здесь счастлива, как никогда прежде! Это место приносит мне покой и радость вот уже тридцать лет! Это мой дом, и я ни за что не хочу его забывать.

– Почему вы так говорите? Как жизнь в психушке может нравиться кому-то?

– А ты и впрямь всё позабыла, Мэри. Доктор Смит сказал, что ты перестала верить.

– Верить во что?

– В то, что счастье существует! Мы его создаём сами здесь и сейчас! – Она придвинулась ко мне и заулыбалась, а её глаза начали радостно сверкать.

– Вы не в себе и несёте какой-то бред. – Ответила я.

– Это вовсе не бред, Мэри. У этого дома есть множество секретов, которые не разгадать и во весь век. Но знай: главная тайна, почему мы все сейчас здесь, заключается в том, что мы

избраны домом для лучшей жизни на земле. Это место – наш рай! Вскоре доктор Смит сам тебе всё расскажет.

С этими словами она поднялась с дивана и радостно побежала петь «We wish you a Merry Christmas» вместе с остальными нездоровыми людьми. От этой картины у меня пробежал холодок по спине. С каждой минутой я всё больше осознавала, как сильно хочу выбраться отсюда. Но вместе с этим чувством я понимала, что сделать это в одиночку не смогу.

После нескончаемой череды праздничных песен, которые все пели невпопад, медсёстры принялись раздавать пациентам угощение – рождественское печенье. Они хотели всунуть его и мне, но от одного его вида меня стало мутить, и я резко опрокинула поднос, как только медсестра приблизилась с ним ко мне.

В это же время доктор Смит принял величественную позу рядом с огромной елью и попросил минуту внимания, обращаясь к пациентам и к персоналу:

– Рождество – семейный праздник. В эту минуту мы все являемся одной большой семьёй. Кого-то из вас мы приютили много лет тому назад, дав кров и заботу, а кто-то с нами совсем недавно. Но это совершенно не делает различий между вами, потому что все мы братья и сёстры, которые, разочаровавшись во внешнем мире, нашли покой и поддержку в стенах Дома тишины. Там, за пределами нашего дома, мы являлись никому ненужными и брошенными всеми существами, которых презирало и угнетало общество. Сейчас же мы свободны и счастливы. Мы живём для того, чтобы радоваться каждому светлому дню. Давайте же и впредь всеми силами поддерживать нашу общину и дарить друг другу свет! Сегодня для каждого из вас я приготовил особенные таблетки в честь этого светлого праздника! Давайте выпьем их вместе в эту минуту, чтобы стать ещё счастливее и сплочённее!

Тут я заметила, что на каждом подносе с печеньем у медсестёр стояли ещё и небольшие баночки с лекарством. Медсёстры, подходя к больным, протягивали им таблетки, а после этого выпивали их сами. Я посмотрела на доктора Смита – он продолжал стоять на своём месте, довольно следя за происходящим, но сам лекарство не принимал. В эту минуту я обрадовалась тому факту, что сидела одна на диване, и меня никто не замечал. Но вдруг, одна из медсестёр поймала мой взгляд и направилась ко мне.

«Чёрт!».

Она подошла ко мне с подносом, взяла с него таблетку и протянула её мне со словами:

– Выпей, дорогая.

Я медленно взяла таблетку одной рукой и стакан воды с подноса другой. Медсестра затаила дыхание и внимательно стала смотреть на меня, ожидая, когда я проглочу лекарство. Я приблизила маленькую белую таблетку к губам, слегка разомкнула их и положила таблетку в рот, неспешно сделав глоток воды из стакана. Медсестра с минуту стояла, серьёзно и пытливо глядя на меня в глаза, потом будто очнулась и, заулыбавшись, сказала:

– Умница, Мэри.

– Где Рита? – Я собралась с мыслями и решила задать ей этот вопрос, пока она не ушла.

– Ты её больше не увидишь, дорогая. Не переживай. – С этими словами она удалилась.

Я повернула голову ей вслед, и мой взгляд столкнулся с бдительным взглядом доктора Смита. Всё это время он следил за мной и наблюдал, как неуверенно я выпила лекарство. Постояв там ещё несколько минут, и окинув взглядом всех находившихся в комнате, доктор вышел в коридор, направляясь в сторону своего кабинета.

Как только он ушёл, я оглянулась по сторонам, выплюнула таблетку себе в ладонь и резким движением быстро бросила её в камин. Моё сердце бешено билось, и больше всего я боялась, что мой поступок заметит суровый медбрат, стоявший у стены недалеко от меня, но к счастью он ничего не увидел.

Я выдохнула и расслабилась, продолжая смотреть на яркое пламя в камине. Что всё это было, чёрт возьми? Это даже не столько психушка, сколько секта какая-то! Помню, Рита гово-

рила, что здесь всех пичкают психотропными таблетками. Видимо, это какие-то антидепрессанты или что-то вроде того. Принимая их, все становятся счастливыми и послушными. Вот как Смит держит их в своей власти!

Размышляя над этим, я, наконец, стала понимать, что творилось в стенах этого заведения. Ненормальный, называющий себя доктором, похищал людей, страдающих какими-либо нарушениями психики, собирал их здесь в этом здании и годами пичкал таблетками, чтобы те были послушными и покорными. Так он и нас с мамой похитил. Только зачем ему я? У меня нет никакой шизофрении. И я точно знаю, что моя мать не попадала в автокатастрофу.

– Мисс, Браун? Вас зовёт к себе доктор Смит. Пойдёмте, я вас провожу. – Ко мне подошла одна из глупо улыбающихся медсестёр и взяла меня под руку. Я встала, и через несколько минут она отвела меня по уже знакомому мне коридору, потом остановилась перед дверью кабинета Смита и сказала:

– Прошу вас, заходите.

Я открыла дверь и вошла. Посередине комнаты стоял всё тот же стол, за которым сидел всё тот же высокий мужчина в белом халате, читающий какие-то бумаги.

Я села на стул перед ним и молча принялась ждать, что он скажет. В моей голове крутились тысячи мыслей, и я никак не могла определиться с тем, как лучше мне стоило себя повести. Вопреки сильному желанию напасть на своего мучителя и выбить из него всю правду, я приняла решение притворяться спокойной и смирившейся со своей участью. Во-первых, моя прошлая попытка сбежать не обвенчалась успехом, и меня пытали электрошоком за это, а во-вторых, он видел, как я выпила таблетку. Надо использовать это в качестве преимущества. Пусть думает, что я поддалась и играю в его игру.

– Добрый день, Мэри. Мы с тобой сегодня ещё не здоровались, и я решил лично поинтересоваться тем, как обстоят твои дела. – Он произнёс это быстро, не отрывая глаз от бумаг.

– Всё хорошо, доктор. Зачем вы меня звали? – Я ответила ему так непринуждённо, как только могла.

Он быстро поднял на меня глаза и пристально уставился, будто не узнавая.

– Я хотел поговорить о событиях прошлой недели. Помнится, ты чувствовала себя плохо настолько, что даже напала на одного из медбратьев и попыталась сбежать.

– Я была не в себе. Как вы и выразились, я чувствовала себя плохо.

– То есть, сейчас тебе намного лучше?

– Да, доктор. Думаю, мне уже лучше.

– Что ж, хорошо. Это очень хорошо, я рад. – Он улыбнулся, продолжая смотреть на меня, и я слегка улыбнулась в ответ.

«Кажется, он поверил».

Так мы сидели мучительно долгие пятнадцать секунд, пока он, наконец, не произнёс:

– Единственное, что до сих пор не укладывается в моей голове: почему ты хотела сбежать от нас, Мэри?

По моей спине пробежал холод, будто к ней приставили ледяное стекло.

– Разве я убегала?

– Да, убегала. Ты почти столкнула с ног медсестру Джейн и приблизилась к входным дверям. Ещё пара мгновений, и ты бы оказалась во дворе, но один из медбратьев вовремя успел предотвратить это.

Я немного помолчала, не придумав, что ответить, и его пытливые глаза уловили в моём взгляде секундное смятение.

«Чёрт, он меня подозревает».

Я быстро собралась с мыслями и сказала:

– Простите, я плохо помню этот момент. Кажется, мне стало вдруг не хватать кислорода. Я начала задыхаться, и мне захотелось на воздух. Должно быть, поэтому я спешила выбежать в сад.

Он внимательно слушал мои запинаящиеся оправдания, продолжая пытливо на меня смотреть, потом отвёл взгляд в сторону и слегка улыбнулся:

– Что ж, Мэри, в любом случае я рад, что всё обошлось. Понимаешь, самое ужасное для врача – это видеть печальный конец своих пациентов. Мы ведь тратим столько времени и сил, чтобы каждый нуждающийся в лечении получил его надлежащим образом. А когда ты видишь ухудшения или, что ещё кошмарнее, смерть своих подопечных, знаешь, это проникает в самое сердце. Я рад, что ты с нами Мэри, и что тебе уже намного лучше.

Я улыбнулась в ответ его широкой улыбке, и через несколько минут уже была в своей палате. Лёжа на кровати, я обдумывала всё, что сказал мне этот псих. Он поверил, что мой разум снова был в его власти, но, видимо, не до конца, ибо его последние слова были ничем иным, как угрозой.

Глава 7

В большой уютной комнате я подошла к высокому окну, рядом с которым было выгравировано число «117». Положив руку на старинные ставни, я собиралась их распахнуть, как вдруг услышала голос позади себя:

– Не делай этого.

Я резко обернулась. Рядом со мной стояла мама. От неожиданности я чуть не заплакала, быстро подбежала к ней и обняла:

– Мама! Я не знаю, что мне делать.

Она молчала несколько минут, потом сделала шаг назад, посмотрела на меня и спросила:

– Что именно ты не знаешь?

– Я не знаю, как мне выбраться отсюда. Я словно в ловушке. Каждую минуту за мной повсюду следят. Я пыталась сопротивляться и даже поддавалась на уговоры, но всё это бессмысленно. Отсюда нет выхода.

– В жизни нет ничего бессмысленного, Мэри. Всё, что происходит вокруг нас, не просто так. Запомни: смысл есть во всём.

Как только она произнесла эти слова, мы услышали внезапный шорох, будто нас кто-то подслушивал, и обернулись.

В этот же момент я проснулась. Резко открыв глаза, с минуту я не понимала, где нахожусь, но потом ко мне пришло осознание и разочарование от того, что я снова была здесь. Я всё ещё в психиатрической лечебнице «Дом тишины».

Как жаль, что это был всего лишь сон, я так скучала по маме и вновь замечталась. Порой, мне начинает казаться, что сны являются другой реальностью, в которой гуляет наш разум. В то время как наши тела существуют в одном мире, разум имеет возможность переноситься в другие – альтернативные миры. Мы считаем, что всё, что с нами там происходит, нереально, и как только просыпаемся, забываем о своих приключениях. Но всё, что нам снится, происходит действительно с нами. Просто в другом измерении, в том, которое мы пока что не в силах понять.

Я встала с кровати, немного прошлась по комнате взад и вперёд и подошла к окну. На окне стояли решётки, а за ними виднелось бесконечно серое и безрадостное небо. Только сейчас я заметила, что с тех пор, как я пришла в сознание, погода была пасмурной и унылой. В этом городе просто не бывает солнечных дней. Видимо, в тот раз меня накачали наркотиками так сильно, что даже погода и весь мир вокруг стали казаться мне счастливыми. В таком состоянии здесь находились все – даже медсёстры и охранники. Единственные два человека, которые были совсем на них не похожи – это Рита и доктор Смит. Естественно, Смит не станет сам употреблять то, что пичкает в других. Ему нужна ясная голова, чтобы управлять этим местом и людьми в нём.

Я взялась за спинку стула, отодвинула его и уселась за стол, на котором стояло небольшое зеркало. Впервые с того момента, как я полностью очнулась, я решила посмотреть на своё отражение. Это худое и безрадостное лицо я переставала узнавать. За две с лишним недели оно превратилось в какого-то другого человека, того, которого я ещё не знала.

Мой взгляд упал на баночки с таблетками, и я вспомнила о Рите. Сейчас я бы всё отдала за то, чтобы увидеть её снова. Чтобы хоть кто-то сказал мне, что понимает меня и хочет мне помочь. Но, чем дольше я не виделась с ней, тем больше в моей душе погасал огонёк надежды на спасение. А вдруг Рита мертва? Что если, узнав, что она мне помогает, Смит убил её?

Нет, этого не может быть. Если бы он это узнал, то давно забрал бы у меня таблетки, которые Рита успела подменить. Но сейчас в мою палату каждый день приходит другая мед-

сестра, чтобы дать мне их и проконтролировать, выпью ли их я. Хорошо, что таблеток на моём столе ещё много. Пока у меня есть время, чтобы притворяться.

Но что, если Смит знает, что мои таблетки ненастоящие и проверяет мою реакцию?

От всех этих мыслей у меня начала болеть голова.

«Ты не о том думаешь, Мэри. Нужно решать, как отсюда выбраться, пока есть время и твой разум ещё с тобой».

Пока я размышляла над всем этим, в коридоре послышался шум. Пациентов начали выводить из палат на завтрак.

Я накинула свой потрёпанный халат, и в тот же миг ко мне вошла медсестра, чтобы вывести меня из палаты. Смешавшись в общей толпе тех, кто шёл сам, и тех, кого под руку вели медсестры, я шла по длинному узкому коридору. Войдя в столовую, я остановилась и стала наблюдать за остальными. Кто-то сам садился на своё место, а кого-то усаживали. Из толпы ко мне вышла молодая медсестра и удивлённо спросила:

– Чего ты стоишь, Мэри? Садись же на своё место.

– Я... Я не помню, где моё место. – Тихо ответила я.

Медсестра огорчённо вздохнула:

– Ах, бедная, после терапии некоторые моменты из памяти могут исчезнуть, но ничего. Ты всё вспомнишь. Пойдём, я тебя провожу.

Она взяла меня под локоть и повела к небольшому столику, за которым сидели престарелые миссис Дуглас, миссис Кинг и ещё две незнакомые мне дамы. Одна из них выглядела моложе остальных, на вид ей было лет тридцать пять. У этой женщины было очень сосредоточенное и вытянутое лицо, выдававшее её аристократичность. Вторая женщина, которую я не знала, была лет сорока шести. У неё было светлое и улыбающееся лицо, но казалось, она улыбалась сама себе. Видно, антидепрессанты были в действии.

Я села, как выяснилось, на своё место, и вскоре повара принесли нам омлет, гренки и травяной чай. Одна их кухарок, имя которой я никак не могла вспомнить, увидев меня, пролепетала:

– Ой, божечки, Мэри! Как же давно я тебя не видела! Всё спрашивала у доктора Смита: «Когда же Мэри снова придёт помогать нам на кухне?». А он отвечал, что ты больна и будешь есть в своей палате. Как хорошо, что ты снова с нами!

С минуту она стояла напротив меня, ожидая, видимо, какой-нибудь ответной реакции, но я не смогла ничего ей сказать. Всё это казалось не моей жизнью, а чьей-то другой.

Пожелав всем приятного аппетита, болтливая женщина, наконец, ушла, и все принялись поглощать свой завтрак. За соседними столиками, где сидели люди, хоть как-то умеющие подержать беседу, велись разговоры. Вскоре молчание прервалось и за нашим столом:

– Помните вчерашний теннисный матч? Ах, я так рада. Наконец-то англичане разгромили французов! – Миссис Дуглас начала первой.

Женщина с благородным вытянутым лицом оторвалась от тарелки и, медленно сдвинув брови, посмотрела на миссис Дуглас и спросила:

– Что вы имеете против французов?

Миссис Дуглас удивлённо уставилась на неё, потом поднесла ладонь ко рту и виновато сказала:

– Ах, я ничего не имею против французов, Авелин. Напротив, вы моя подруга, и я рада этому факту. Просто, что касается национальных игр и соревнований, мне приятно, когда моя страна выигрывает у кого-то.

– Разве мы все не являемся братьями и сёстрами, как говорит нам Господь? Мы не должны соперничать друг с другом.

– Безусловно, Авелин, так оно и есть. Но я считаю, что это больше касается возникновения вражеских чувств. А простая невинная игра, напротив, является всего лишь игрой, вызывающей приятный азарт.

– Уж что касается игр и азарта, то всё это выдумки самолюбивых мужчин! Это они придумали соревноваться друг с другом и меряться силами, хотя их мозги и пусты, как трухлявые пни! – Миссис Кинг встряла в разговор, вознеся вилку вверх прямо перед собой.

Миссис Дуглас посмотрела на неё снисходительным взглядом, но промолчала, а благородная француженка продолжала:

– Из-за таких простых игр и азарта и возникают вражеские чувства! Безобидное на первый взгляд соревнование вкладывает в умы людей ростки ненависти и неприязни. Из-за того, что нации соревнуются с нациями, люди учатся отделять свою группу от другой. Эти игры разобщают нас!

– Ради бога, Авелин. Вы же не хотите сказать, что игры разжигают войны?

– Именно это я и хочу вам сказать! Мы сами выделяем себя среди других народностей, ставим себя на пьедестал, пока кто-то из нас не решает эти народности себе подчинить! С одного незначительного соперничества разгорается целая война, и люди идут друг против друга!

– Правильно, правильно! Это мужчины начали соперничать! Всё никак не могут определиться, кто прав, а кто виноват! – Миссис Кинг стала поддерживать Авелин, сжимая свою вилку всё крепче.

– Я никак не могу с этим согласиться, Авелин. – Ответила миссис Дуглас, – Ведь существуют ещё и гражданские войны, в которых жители одной страны воюют друг против друга. И я уверена, что у каждого конфликта есть повод, никак не связанный с азартом игры.

– Вы ходите вокруг да около, не понимая сути! Вы так глупы, что не видите правду перед своим носом! А я вам говорю: вот она, правда! Вот она, правда! – Авелин вскочила из-за стола и стала громко кричать на всю столовую, сотрясая кулаками воздух. Все вокруг замерли и удивлённо уставились на неё, пока двое медбратьев не подбежали и не скрутили ей руки. Одним быстрым движением ей вкололи в шею укол, и Авелин, прикрыв глаза, поникла, словно подтаявшее желе. Взяв её под руки с двух сторон, медбратья вывели ещё что-то бормочущую Авелин из столовой. После этого все сразу же вернулись к своему завтраку и оживлённым беседам так, будто ничего не произошло.

Я устала на пустое место и недоеденный завтрак рядом с собой и не могла прийти в себя после только что увиденной сцены.

– Почему ты не ешь, дорогая? – обратилась ко мне миссис Дуглас. Её слегка улыбающееся и доброжелательное лицо было спокойно, как никогда.

– Почему все ведут себя так, будто ничего не произошло? – Спросила я её.

– Это же психбольница, чего ты хотела? Буйные пациенты ведут себя агрессивно всегда. Нельзя за это на них обижаться или воспринимать слишком близко к сердцу.

– Да, но этой женщине сейчас было очень плохо.

– Поэтому ей помогли успокоиться и отвели в палату, чтобы она смогла отдохнуть.

Я промолчала и посмотрела на другую даму рядом с собой, которая тихо улыбалась и размазывала вилкой желток по тарелке.

– Ты всё ещё не можешь прийти в себя после того, что с тобой случилось? Я понимаю. Но нужно уметь отпускать прошлое и двигаться вперёд. В конце концов, жизнь нам дана лишь одна. – Вновь обратилась ко мне миссис Дуглас.

– Вы правы. И я не хочу провести свою жизнь так же, как мадам Авелин. – Резко ответила я.

– А как же ты хочешь её провести?

– Не знаю, но уж точно не здесь. Не в этом адском месте.

Миссис Дуглас немного помолчала, потом произнесла:

– Ты всё ещё не веришь в это место, верно? Слушай же: мы все находимся здесь неспроста. У доктора Смита есть концепция того, как устроить нашу жизнь наилучшим образом. Напрасно ты считаешь Дом тишины тюрьмой, всё как раз наоборот. Это место – наше спасение, наш рай.

– Почему вы постоянно твердите про наилучшую жизнь? Как место, подобное этому, может быть раем? Нас всех держат здесь насильно и пичкают лекарствами!

– Это и есть основная идея концепции – создать людям такие условия, чтобы они чувствовали себя хорошо и счастливо. Эти лекарства и это место нам нужны, чтобы отгородиться от того злого и пожирающего человеческого счастье мира. Здесь мы словно животные в Ноевом ковчеге – существуем в этом мире, но в то же время и отдельно от него.

– Так вот, что здесь происходит! Псевдоутопия? И вы добровольно решили принимать эти таблетки, зная, что они подавляют ваш разум?

– Конечно, добровольно! Я верю доктору Смигу и знаю, что он старается только ради нас и из самых добрых побуждений. Благодаря ему у нас есть эта жизнь – светлая и неомрачённая горестями и страданиями внешнего мира!

– Он вас поработил и заставил так думать! Но я не подписывалась под всё это! Доктор Смит, или кто он там, в действительности, забрал у меня мою жизнь, заточив здесь насильно.

– Ничего невозможно сделать с человеком насильно, дорогая. Всё, что с нами происходит, мы привносим в свою жизнь сами.

– То есть я должна винить саму себя за то, что какой-то миротворец похитил меня и мою маму, запер меня в психушке, пытал электрошоком, пичкал таблетками и уколами и пытался внушить мне, что у меня шизофрения?! – Я встала из-за стола, во все глаза сердито смотря на миссис Дуглас, и продолжая свою тираду, – Извините, но я ни за что не поведусь на это! Я не позволю какому-то психу разрушить мою жизнь!

С этими словами я резко повернулась, собираясь покинуть столовую, как вдруг мои глаза столкнулись с глазами доктора Смита, стоявшего недалеко от нашего столика. Он внимательно смотрел на меня и слышал мою возмущённую речь.

Глава 8

Уже в третий раз я сидела в кабинете доктора Смита, ожидая, что он мне скажет. Смит догадался, что я не принимала лекарства и находилась в сознании. Медленно шагая из угла в угол рядом с большим панорамным окном, Смит размышлял, как вдруг остановился, уставился на меня и сказал:

– Я вёл себя неправильно, пытаюсь силой заставить тебя признать правду. Предлагаю поговорить начистоту. Давай заключим сделку: ты будешь вести себя спокойно и послушно и обещаешь, что станешь размышлять над тем, что я тебе буду говорить, а я в свою очередь отвечу на все твои вопросы и обещаю, что не стану заставлять тебя принимать лекарства, пока ты сама этого не захочешь. Ну что, идёт?

Я немного помолчала, не ожидая услышать от него такого заявления. Потом решила: раз он хочет поиграть в игру, что ж, надо соглашаться. Посмотрим, к чему это всё приведёт. В любом случае, у меня нет другого выхода.

– Хорошо, – ответила я, – Что вы сделали с моей матерью?

Смит сел в своё высокое кресло, снял очки и положил их на стол. Потом сделал глубокий вдох и сказал:

– Твоя мать оставила тебя здесь семь месяцев назад. Вот бумага, которую она подписала.

Смит протянул мне листок бумаги, на котором я увидела мамину подпись.

– Это согласие, которое дала твоя мать, разрешив нам лечить тебя.

– Моя мать не могла так со мной поступить! Я не верю вам!

– Вот её подпись, Мэри. Клянусь тебе, что это чистая правда. Твоя мать понимала, что не может больше заботиться о тебе сама.

– Но зачем вы ввали мне про автокатастрофу? Вы говорили, что я нахожусь здесь уже восемнадцать лет!

– Это было одним из способов твоего лечения, и раньше он срабатывал. Всё, что я тебе говорил, было лишь отчасти правдой. Я не хотел, чтобы ты вспоминала неприятные моменты из своего прошлого. Я внушил тебе с самого начала, что это твой дом, и ты стала жить счастливо.

– Но я не больна шизофренией! Я точно знаю кто я!

– Так говорят все, кто попадает сюда. И они действительно в это верят. Но моя задача – сделать так, чтобы никто не чувствовал себя ущемленным. Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Мы вышли из его кабинета и отправились по длинному коридору в общую комнату, где все пациенты отдыхали после завтрака. По пути туда Смит останавливал некоторых людей из персонала и вежливо беседовал с ними. Наконец, мы вошли в общую комнату и остановились в дверях.

– Видишь того мужчину? Как ты уже знаешь, его зовут Том Купер. Я подобрал его на одной автобусной остановке и привёл сюда уже много лет назад. Как нам удалось выяснить, этот человек страдает аутизмом, и его собственные дети бросили его. Он оказался в плачевном состоянии, ему негде было жить. Теперь о нём заботятся в Доме тишины. Наш славный мистер Купер любит смотреть новости и играть в шашки. Сейчас он, наконец-то, счастлив.

А это мадам Дюваль. У неё наблюдается параноидальное расстройство личности с тех пор, как её мужа съели дикие туземцы, когда тот путешествовал по Африке. Она сильно страдала от постоянных вспышек гнева и паранойи, винила во всём окружающих, но сейчас нам удалось полностью установить с ней контакт благодаря терапии и построению доверительных отношений.

Элеонору Дуглас ты уже знаешь. Когда она была в твоём возрасте, всю её семью зарезал маньяк, ворвавшийся в их дом. Элеоноре удалось спастись, но она была очень несчастной,

скиталась по всему свету в поисках счастья и покоя. Она не смогла этого найти во внешнем мире, он для неё был слишком жесток. Поэтому она пришла за помощью ко мне, и сейчас счастлива жить в гармонии и не чувствовать себя одинокой.

Это и есть моя цель, Мэри. Я хочу, чтобы это место было не просто домом для сумасшедших, в котором всем наплевать на пациентов. Я хочу, чтобы каждый чувствовал себя счастливым и нужным здесь. Чтобы мы могли быть одной большой семьёй.

– Поэтому вы пичкаете людей наркотиками? Чтобы они забыли, кто они такие на самом деле?

– Да, Мэри, именно так. Только ты в этом видишь нечто ужасное и извращённое. Пойми: только так эти люди смогут стать счастливыми. Откинув мысли о прошлом, они полностью забудут всё то плохое, что мешало им освободиться. Мир, в котором эти люди жили раньше, был слишком к ним жесток. Когда они смогут отпустить всё ненужное, они, наконец, станут способными ощутить всю радость жизни.

– Но это просто бегство от реальности. Мир не такой, каким вы его описываете. Да, в нём есть и плохое, и хорошее, но это всё часть жизни, часть нас. Невозможно отгородиться от остального мира и жить, как в стеклянной банке.

– Всё как раз наоборот, Мэри. Мы вправе сами вершить свою реальность. Мы можем построить свою жизнь так, как сами того пожелаем. Я хочу, чтобы все, кто нашёл приют в стенах Дома тишины, были просто счастливы, вот и всё. Чтобы каждый день, проведённый здесь, был для них спокойным, а не несчастным. Да, в жизни есть и плохие, и хорошие моменты, но в мире вокруг нас страданий и боли намного больше, чем чего-то хорошего.

Я молчала, обдумывая его слова, потом спросила:

– Но зачем вам я? Я не давала согласия на то, чтобы меня здесь держали. Это незаконно, чёрт возьми! Я хочу жить нормальной жизнью, на свободе, а не взаперти!

– Ты – тоже несчастная душа, которая вдоволь настрадалась от несправедливостей, что случались с тобой в том мире. Я увидел это сразу же в твоих глазах, так как умею моментально распознавать отчаявшуюся душу. Понимаю, тебе сейчас тяжело забыть свою прежнюю жизнь и осознать новую, но прошу, не делай поспешных решений. Попробуй хотя бы понять, что жизнь может быть иной. Мы ещё поговорим об этом.

С этими словами он вышел из комнаты и, взяв под локоть одну из медсестёр, не спеша пошёл вдоль коридора, оживлённо разговаривая с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.